УДК 81'42

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-143-147

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ ТЕКСТА ДОКУМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРОТОКОЛОВ 1917–1933 гг.)

О. А. Черныш

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Исследуются тексты протоколов 1917–1933 гг. в аспекте отражения исторических событий в России в первой трети XX века. Этот период является эпохой глобальных изменений в жизни русского общества. Поставлена цель – определить, каким образом исторические события, происходившие в обозначенный период, отражены в содержании текста протокола. Основные единицы, отражающие изменяющиеся исторические условия на уровне текста, были выявлены через характеристику лексико-семантических, функционально-стилистических и структурных особенностей протоколов представленного периода.

Ключевые слова: протокол, исторические события, лексический состав текста, структура текста, речевая норма.

Первая треть XX в. в России является эпохой глобальных изменений в жизни общества, так как за относительно краткий промежуток времени происходит большое количество исторически важных событий: революция, Гражданская война, новая экономическая политика, коллективизация и индустриализация. Все эти события коренным образом изменили существующий порядок вещей и сформировали новое общество. Именно задачи его построения определили темпы общественной жизни, необычайно быстрые, энергичные, напряженные, которые в свою очередь получили отражение в речевых практиках и текстах [1, с. 21]. Язык является главным средством общения между людьми, средством выражения, и все изменения, происходящие в социально-политической системе общества, все нововведения и эмоциональное отношение к этим изменениям со стороны общества оставляют глубокий след на языковой деятельности и ее результатах.

Социальные, экономические и политические изменения затронули все стороны человеческой жизни и, следовательно, оказали влияние на создаваемые в это время тексты, но если публицистические и художественные тексты этого периода ранее уже выступали объектом исследования [1–5], то корпус официально-деловых документов редко попадал в фокус исследовательского внимания в этом аспекте. Обзор литературы позволил выявить лишь несколько работ, посвященных описанию собственно документальных параметров архивных судебных документов [6–8].

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить, каким образом в содержании текста официального документа (протокола) отражаются исторические события, происходившие в Томске в послереволюционный период. Материалом исследова-

ния послужили тексты протоколов/выписки из протоколов из сборников документов Государственного архива Томской области, подсерия «Народ и власть» за период с 1917 по 1933 г. [9]. В ходе исследования было проанализировано 126 документов. Для проведения исследования использовались текстологический (анализ композиции и структуры текста), структурно-семантический (анализ языковых структур текста) и функционально-стилистический методы анализа.

Протокол был выбран в качестве эмпирического материала в силу того, что этот документ фиксирует ход реальных социальных событий и документально их подтверждает: зафиксированное признается состоявшимся социально. «Краткий словарь видов и разновидностей документов» определяет протокол как документ, содержащий последовательную запись хода обсуждения вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях и заседаниях коллегиальных органов [10, с. 60]. Этот документ относится к ряду организационно-распорядительных, создается в соответствии с особыми жанровыми характеристиками, отражающими структуру коммуникации в этой сфере и деятельность по совместному принятию решений коллегиальным органом или группой работников [11, с. 104].

Первый аспект, на который хотелось бы обратить внимание, – **структурный**. Протокол имеет вполне определенную структуру, которая фиксирует ключевые для коммуникации в этой области параметры. Анализ структурных характеристик показал, что, несмотря на схожесть, в протоколах, относящихся к разным временным периодам, можно выделить некоторые особенности. В структуре современного протокола выделяют следующие формальные части: заголовок, подзаголовок (дата

и место проведения заседания), вводная часть (фамилия и имя председателя, секретаря, присутствующих, повестка дня), основная часть фиксирует ход заседания, состоит из нескольких разделов, соответствующих пунктам повестки дня. Каждый раздел состоит из нескольких частей: *слушали, выступили, постановили (решили)*. Заключает протокол подпись председателя и секретаря. Отметим, что приведенная выше структура протокола является традиционной и присутствует в формах документов до сих пор [12].

Анализ данного материала показал, что в этот период структура протокола не совсем соответствует приведенной выше: в протоколах, датируемых 1917–1921 гг., в подзаголовке документа фиксировалась только дата проведения собрания, но не указывалось место. Можно предположить, что локализация событий, зафиксированных протоколом, не считалась важным параметром, и только с 1921 г. начинает указываться место проведения заседания. Далеко не во всех протоколах, датируемых 1917–1924 гг., фиксировалась повестка дня, а такой раздел основной части, как *выступили*, отсутствует во всех проанализированных документах. Это свидетельствует о том, что не все вопросы обсуждались коллегиально, а решение выносилось только исходя из позиции докладчика. Отсутствие повестки дня, вероятно, свидетельствует о спонтанном характере коммуникативных процессов, связанном с быстрым и плохо предсказуемым развитием событий. И последнее, на что хотелось бы обратить внимание в связи со структурными элементами протокола, – оформление подписей. Практически во всех документах, относящихся к 1917–1924 гг., не указываются детально все атрибуты должности, при написании имени не пишутся инициалы, только фамилия. Например: 1917 – *Председатель Беленц*; 1918 – *Председатель общего собрания Толмачев*. Полагаем, что такой тип референции связан с особой формой социальной регламентации, характерной для переходных исторических периодов. Так как старый порядок разрушен, соответственно, не значима старая система обозначений, новый же порядок находится в состоянии становления, поэтому ключевое значение имеет функциональная фигура – деятель, осуществляющий регламентацию. Такая функциональная фигура, с одной стороны, лишена привычных личностных и социальных атрибутов (полное имя, должность в известной всем структуре), с другой – обладает широким кругом полномочий и поэтому ей не требуется фиксировать весь перечень атрибутов в документе. Только в протоколах 1925–1933 гг. начинают появляться и инициалы, но пока это только инициалы имени: 1930 – *Копия верна: предсельсовета Т. Старинников*.

Анализ позволил выявить, что только в протоколах 1925–1933 гг. появляется композиция, максимально приближенная к структуре современного протокола. Таким образом, процесс формирования структуры документа отражает процессы формирования регулятивных действий в официально-деловой сфере.

Второй аспект, значимый для настоящего исследования, – **содержательный**. Так как содержание является одним из ключевых параметров характеристики официально-делового документа, оно может быть охарактеризовано на основе последовательного анализа языковых средств, формирующих документ. Идея о лексическом отражении социальных изменений была неоднократно высказана и убедительно аргументирована в работах таких исследователей, как С. И. Карцевский [13], Л. П. Крысин [14], С. И. Ожегов [1], А. М. Селищев [2], Н. М. Шанский [15]. Анализ лексической составляющей протоколов показал, что, во-первых, для документов 1917–1933 гг. характерно обращение «товарищ», призванное обозначить новые социальные отношения: *товарищ Лыткин, товарищ Наханович, товарищ Федосеев*.

Во-вторых, практически во всех документах присутствуют названия организаций, существовавших в то время. На рис. 1 представлена частотность употребления названий данных организаций в текстах протоколов.

Рис. 1

Наличие такого большого числа разнообразных организаций, осуществляющих контроль над деятельностью и жизнью человека, естественно оказывало влияние на восприятие человеком того времени действительности.

В-третьих, в протоколах 1917–1933 гг. наблюдается наличие в тексте слов, обозначающих понятия, присущие именно той эпохе: 1917–1921 гг. – период Гражданской войны и революции: *революционный штаб (комитет, трибунал), контрреволюционный элемент, контрреволюционная дея-*

тельность (агитация); 1921–1924 гг. – период НЭПа: *продналог, налоговая сессия, продразверстка*; 1925–1933 гг. – период коллективизации и индустриализации: *коллективизация, классовая политика (борьба, линия), кулацкие хозяйства, раскулачивание*. На рис. 2 представлена частотность употребления слов, обозначающих понятия, присущие первой трети XX в.

Рис. 2

Отметим также и особые синтаксические структуры протоколов, датируемых 1917–1933 гг. Быстрая смена событий получает отражение в специфических синтаксических конструкциях, представляющих собой цепочку простых предложений, соединенных сочинительной связью. Применяется принцип «нанизывания» событий. Подобная однолинейная логика свидетельствует о необходимости быстрого реагирования на стремительно изменяющуюся реальность. При этом в такие конструкции оказываются включенными и рекурсивные структуры – описывающие возвращение к решенной ранее проблеме: ...**Постановили:** *ввиду явной и доказанной документально спекуляции товарами в магазине Некрасова, **подтверждаем** свое прежнее **постановление** об оштрафовании Некрасова на 10 000 рублей **и, дополнительно,** для пресечения спекуляции в будущем и вследствие нежелания Некрасова подчиниться учету, **постановляем:** весь товар, находящийся в магазине Некрасова, **подвергнуть реквизиции и затем продать** силами **и** под контролем учетно-нормировочной комиссии **и** с вычетом штрафа в 10 000 рублей в первую очередь...* (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника).

Так как в протоколах 1917–1933 гг. не всегда фиксируются предшествующие события, можно предположить, что документы ориентированы на адресата, владеющего необходимой информацией. Логика той или иной фиксации событий может быть неясна стороннему наблюдателю, но человек, который находится в их гуще, все понимает. В це-

лом событийный ряд, получающий отражение в протоколе этого времени, свидетельствует о ситуативности социального регулирования: ...**СЛУШАЛИ:** *О профессоре Мостовиче. (докладывает Пачколин). **Мостович осужден на 3 года без строгой изоляции. Институт просит** разрешить ему работать. Мостовича **надо** для отбывания наказания **отправить в другой город.** ПОСТАНОВИЛИ: **Просить** ЦК РКП и Сибкрайком о переводе Мостовича для отбывания наказания в другой город...* Перед нами очевидные попытки установления нового социального порядка, при котором члены социума, имевшие высокий социальный статус, лишаются его (*осужден без строгой изоляции*). Но при этом механизмы действия в отношении подобных людей еще не выработано, поэтому решение принимается «на ходу» и его бессмысленность очевидна, хотя бы потому, что документ не отражает конкретной информации: в какой именно город нужно отправить Мостовича для отбывания наказания.

Процессы принятия регулирующих решений иногда отражаются непосредственно в тексте в форме вопросов: ...**Губ[ернский] исп[олнительный] к[омитет]** своим постановлением **обязал** местных купцов **обложить** их в 4-х дневный срок **контрибуцией** в 5 млн. рублей... **но была вынесена резолюция** - не платить. .. они **были арестованы и препровождены** в губ[ернскую] тюрьму ... **Вопрос:** *Что же будет, если купцы, сидя в тюрьме, и тоже не заплатят контрибуцию?*... Протокол, таким образом, фиксирует не решение по социальному регулированию, а процесс его принятия.

Третий аспект, значимый для анализа документа, относящегося к области деловой коммуникации, – **речевая норма**. Как известно, современный документ характеризуется определенным набором языковых средств, который принято называть официально-деловым стилем. В текстах протоколов, относящихся к 1917–1933 гг., наблюдается отсутствие такой нормы. Использование специализированных языковых средств сводится к минимуму, тексты включают конструкции разговорно-просторечного характера, что, с одной стороны, делает тексты документов понятными даже не специалисту в области оформления документации, с другой – свидетельствует о разрушении прежних норм и о смене типа фиксатора (секретаря). Например: ... По последнему вопросу **делает доклад тов. Лыткин, который указывает на то, что задачи I с[ъез]да[1] были направлены на **организацию пролетариата.** Второму же съезду[2] предстоит роль законодательная в деле **укрепления завоеваний рабочей и крестьянской революции.** В связи с этим тов. Лыткин указывает на то обстоятельство, что в Сибири **сорганизовалась** власть в лице Сибирск[ой] областной думы, и что с этой властью**

необходимо бороться самыми крайними мерами вплоть до разгона. Последние слова тов. Лыткина покрываются бурными аплодисментами... В тексте представлено смешение структур, порожденных новой идеологической системой (*организация пролетариата*), и разговорно-просторечных конструкций (*сорганизоваться, покрыться бурными аплодисментами*). Это свидетельствует о том, что: 1) автор текста не является носителем литературной нормы; 2) эта норма не представляет ценности в той ситуации, когда текст создается. Перед нами очевидное свидетельство социального и ценностного слома.

Итак, проведенное исследование показало, что текст протокола своей структурой и языковой орга-

низацией отражает социальные процессы, связанные с кардинальной трансформацией социальных отношений, когда прежняя социальная система и способы ее регулирования разрушены.

Конечно, следует учитывать, что протокол, как и всякий текст, создается индивидуумом, отдельным человеком и текст может носить индивидуально-авторские черты, но анализ корпуса документов, написанных абсолютно разными людьми, позволяет обобщивать вывод о том, что исторические изменения, происходившие в России в первой трети XX в., получили отражение в композиционной, лексической, синтаксической и стилистической структуре текста.

Список литературы

1. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.
2. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2003. 247 с.
3. Скворцов Л. И. О языке первых лет Октября // Русская речь. 1987. № 5. С. 9–18.
4. Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Исторические процессы в лексике русского языка и в семантической структуре слова (на материале региональной прессы 20–30-х годов XX века) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 128–132.
5. Шипицына Г. М., Мамонова Ю. О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 14 (235), вып. 30. С. 21–28.
6. Рогожникова Т. П. Из истории документной лингвистики: отчет рубежа XIX – XX веков // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 357–363.
7. Рогожникова Т. П., Кузнецова А. А. К проблеме описания судебного дискурса (на материале омских архивных документов начала XX века) // Язык. Текст. Дискурс. 2014. № 12-2. С. 131–137.
8. Рогожникова Т. П. Особенности судебного дискурса начала XX века (на материале омских архивных документов) // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 190–196.
9. Сборники документов и материалов Государственного архива Томской области. URL: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html> (дата обращения: 17.11.2017).
10. Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974. 80 с.
11. Организация работы с документами: учебник / под ред. проф. В. А. Кудряева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2002. 592 с.
12. Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, утвержденные приказом Федерального архивного агентства от 23 декабря 2009 г. № 76. URL: <http://archives.ru/methodics/instr-office-work.shtml> (дата обращения: 17.11.2017).
13. Карцевский С. И. Язык, война и революция. Берлин: Русское универсальное издательство, 1923. 72 с.
14. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2007. 240 с.
15. Шанский Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка: пособие для студентов-заочников. М.: Учпедгиз, 1957. 168 с.

Черныш Ольга Андреевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: chernyshoa@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 21.11.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-143-147

REFLECTION OF THE HISTORICAL CONTEXT IN THE STRUCTURE AND CONTENT OF THE TEXT OF THE DOCUMENT (ON THE BASIS OF THE RECORDS DATED BY 1917–1933)

O. A. Chernysh

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

The article deals with the texts of the records dated by 1917–1933 in terms of reflecting historical events in Russia in the first third of the 20th century. This period is the epoch of global changes in the life of Russian society. The aim of the research is to identify how the historical events that took place in the first third of the 20th century are reflected in the text. The records that were analysed are divided into four time periods. Each period is connected with historical events

that are very important for Russia. The article is devoted to the description of three aspects that are very important for analysis of documents. The first part of the article describes the structural characteristics of the records dated by 1917–1933 and peculiarities of the records that are typical for each period. The main part of the work is devoted to the analysis of the linguistic means that form the record and also how linguistic means change over time. And the last part is devoted to speech norm. The text of the record presents a mixture of structures generated by the new ideological system and colloquialisms. The characteristics of lexico-semantic, functional-stylistic and structural features of the records of the presented period made it possible to identify the main units reflecting changing historical conditions at the level of the text.

Key words: *record, historical development, lexical component of the text, structure of the text, speech norm.*

References

1. Ozhegov S. I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 352 p. (in Russian).
2. Selishchev A. M. *Yazyk revoliutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom (1917–1926)* [The language of the revolutionary epoch. Based on supervision of the Russian Language]. Moscow, URSS Publ., 2003. 247 p. (in Russian).
3. Skvortsov L. I. O yazyke pervykh let Otkryabrya [About the language of the first years of October]. *Russkaya rech – Russian speech*, 1987, no. 5, pp. 9–18 (in Russian).
4. Logunova N. V., Mazitova L. L. Istoricheskiye protsessy v leksike russkogo yazyka i v semanticheskoy structure slova (na materiale regional'noy pressy 20–30-kh godov 20 veka) [Historical processes in the vocabulary of the Russian language and in the semantic structure of the word (on the material of the regional press of the 20–30s of the 20th century)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevskiy University of Nizhni Novgorod*, 2013, no. 6(2), pp. 128–132 (in Russian).
5. Shipitsina G. M., Mamonova Yu. O. Obshchiy vzglyad na leksikon russkogo yazyka sovetskogo perioda [General view on the lexicon of the Russian language of the Soviet period]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Belgorod State University Scientific Bulletin*, 2016, no. 14 (235), pp. 21–28 (in Russian).
6. Rogozhnikova T. P. Iz istorii dokumentnoy lingvistiki: otchet rubezha XIX–XX vekov [From the history of documentary linguistics: a report of the turn of the XIX–XX centuries]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2010, no. 8, pp. 357–363 (in Russian).
7. Rogozhnikova T. P., Kuznetsova A. A. K probleme opisaniya sudebnogo diskursa (na materiale omskikh arkhivnykh dokumentov nachala XX veka) [To the problem of describing judicial discourse (based on Omsk archival documents of the early 20th century)]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2014, no. 12-2, pp. 131–137 (in Russian).
8. Rogozhnikova T. P. Osobennosti sudebnogo diskursa nachala XX veka (na materiale omskikh arkhivnykh dokumentov) [Features of judicial discourse of the beginning of XX century (based on Omsk archival documents)]. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*, 2015, no. 3 (5), pp. 190–196 (in Russian).
9. *Sborniki dokumentov i materialov gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti* [Collections of documents and materials of the State Archives of the Tomsk Region.] (in Russian). URL: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html> (accessed 17 November 2017).
10. *Kratkiy slovar' vidov i raznovidnostey dokumentov* [Concise dictionary of document types and varieties]. Moscow, Glavarkhiv VNIIDAD Publ., 1974. 80 p. (in Russian).
11. Kudryaev V. A. *Organizatsiya raboty s dokumentami* [Organization of work with documents]. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 592 p. (in Russian).
12. *Metodicheskiye rekomendatsii po razrabotke instruktsiy po deloproizvodstvu v federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti utverzhennye prikazom Federal'nogo arkhivnogo agentstva ot 23 dekabrya 2009 goda № 76* [Methodological recommendations for the development of instructions for record management in federal executive bodies approved by the order of the Federal Archival Agency from December 23, 2009 no. 76] (in Russian). URL: <http://archives.ru/methodics/instr-office-work.shtml> (accessed 17 November 2017).
13. Kartsevskiy S. I. *Yazyk, voyna i revolyutsia* [Language, war and revolution]. Berlin, Russkoye universal'noye izdatel'stvo Publ., 1923. 72 p. (in Russian).
14. Krysin L. P. *Sovremenniy russkiy yazyk. Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya* [Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 240 p. (in Russian).
15. Shanskiy N. M. *Leksika i frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Vocabulary and phraseology of the modern Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 247 p. (in Russian).

Chernysh O. A., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: chernyshoa@tpu.ru